

Источники формирования белорусской орнитологической номенклатуры

Прокончик Екатерина Олеговна

аспирантка

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

email: katrina_vert@mail.ru

Специальная лексика (терминология и номенклатура) любой предметной области представляет собой сочетание слов исконных и заимствованных, старых и новых, литературных и диалектных по своему происхождению. Такой состав терминологической лексики свидетельствует о том, что “терминология берет истоки и пополняет ресурсы из разных источников и с помощью разных языковых средств, что формирование каждой терминосистемы имеет, как правило, длительную историю, в которой отражаются особенности формирования ... языка разных эпох под влиянием внутренних и внешних по отношению к языку факторов” [Даниленко: 21–22]. Белорусская орнитологическая терминология и номенклатура на протяжении всех этапов своего развития (20-е; 30–60-е; 70 гг. XX в. – начало XXI в.) в силу внешне- и внутриязыковых факторов обращалась к различным источникам.

Белорусская орнитологическая терминология и номенклатура начала активно формироваться в 20-е годы XX в., когда Научно-терминологической комиссией Института белорусской культуры издавались тематические выпуски “Белорусской научной терминологии”. Двенадцатый выпуск этой серии был посвящён названиям животных. В основу орнитологической номенклатуры, зафиксированной в 12-м выпуске “Белорусской научной терминологии”, были положены общеславянские и восточнославянские названия птиц: *верабей, сарока, варона, сініца, дрозд, дзяцел* и др.; а также собственнобелорусские: *крыжадзюб, крумкач, груган, курка вадзяная* и др. Калькирование и заимствование использовались в основном для обозначения экзотических животных (напр., *пінгвін*). Широко представлены диалектные наименования: *пардва* “куропатка белая”, *арабок звичайны* “рябчик”, *турчык* “туркайка; рус. горлица”, *глінянка* “поползнь”, *грун касар* “стриж черный”, *жаўранка-сьмяцей* “жаворонок хохлатый” и др., которые использовались в научной орнитологической литературе. В частности, в работе А.В. Федюшина “О работах немецких орнитологов в оккупированных областях Западной Беларуси и Литвы в период 1915–1920 гг. и некоторые критические замечания к ним” употребляются следующие названия: *гіль* “снегирь”, *сіняшыйка* “варакушка”, *рыбалка* “крячка”, *нырчык* “поганка”, *паўзунок* “пищуха”, *ерчык* “чекан”, *каролік* “королек”, *странатка* “овсянка” и др. Особенностью фаунономенклатуры 20-х гг. является вариантность: *аўдотка* – *палявы кулік*, *бусел* – *бацян*, *журавель* – *жораў* – *жураў*, *казадой* – *ляляк* и др.

Большинство вышеназванных орнитонимов, не успев закрепиться в научной литературе, остались в народных говорах, поскольку в 30–60-е гг. XX века проблемы упорядочения терминологии были решены за счет сближения с русскими названиями. Многие заимствования из русского языка закрепились в белорусской фаунономенклатуре и функционируют и сейчас: *дубанос* “дубанос”, *дупель* “дупель”, *рабчык* “рябчик”, *аўсянка* “овсянка”, *лысуха* “лысуха” и др. Собственно белорусские орнитонимы немногочисленны: *глушэц* “глухарь”, *зязюля* “кукушка”, *мышалоў* “лунь”, *сокал-каршачок* “чеглок”, *сявец* “ржанка”, *крыжанка* “кряква” и др.

Следующий этап формирования белорусской фаунономенклатуры исследователи связывают с выходом “Энциклопедии природы Беларуси” (1983–1986), в которой природные объекты характеризуются с учетом научной систематики. Как и в 20–х гг. XX в., в орнитологической номенклатуре наблюдается вариантность: *зубек вялікі*, або *гальштучнік*; *пліска*, або *сітаўка*; *саджа*, або *капытка* и др. Также для третьего этапа развития характерно стремление к упорядочению и нормализации зоологической номенклатуры и обращение к собственно белорусской лексике для придания номенклатуре национальной окраски. Так, в опубликованном в 1993 г. “Аннотированном списке позвоночных животных Беларуси” кальки с русского языка заменены белорусскими названиями или кальками с латинского языка. Авторами в научное употребление вновь вводятся диалектные названия, которые использовались в 20–х гг.,

такие как *гагач* “гагара”, *коўра* “поганка”, *чапля–лазянік* “выпь малая”, *чырвонакрыл* “фламинго”, *зяюля–кукуля* “кукушка”, *пчалаедка* “щурка золотистая”, *тынаўка* “завирушка”, *ерчык* “чекан”, *паўзунок* “пищуха”, *юрок–берасцянка* “зяблик”, *тоўстадзюб* “дубонос” и др. Эти и многие другие орнитонимы фиксируются в тематическом словаре “Животный мир” (1999) как диалектные.

Сравнительный анализ белорусской орнитологической номенклатуры различных этапов её становления показывает, что основными источниками её формирования являются:

- 1) Литературная лексика, связанная с животным миром;
- 2) Диалектные слова-названия птиц;
- 3) Создание новых слов по продуктивным словообразовательным моделям;
- 4) Заимствования из других языков, в том числе и скрытое заимствование – калькирование.

Соответственно, для первого этапа становления фаунономенклатуры характерны: использование литературной лексики (общеславянские и восточнославянские названия птиц); введение в научную терминологию диалектных слов; создание неологизмов; при общем неприятии заимствований – калькирование и заимствование для обозначения экзотических животных.

В 30–60-х гг. XX в. основным принципом формирования белорусской орнитологической номенклатуры была интернационализация, т.е. сближение с зоономенклатурой русского языка за счёт заимствования и калькирования лексических единиц.

На третьем этапе формирования белорусской фаунономенклатуры (70-е гг. XX в. – нач. XXI в.) представлены обращение к собственно белорусской лексике (литературной и диалектной) для придания номенклатуре национальной окраски наряду с тенденцией к учету международной научной систематики.

Литература

Даниленко В.П. Русская терминология. М.: Наука, 1977. С. 21–22.